

Притяжение театра

Рассказ о необычном повороте творческой судьбы народного художника РСФСР Александра Павловича Васильева

И вот, наконец, наступила та счастливая минута, когда он сказал себе: «Все. Откладывать больше нельзя. Я решил. Я уйду». Эта мысль зрела в нем долгие годы, не нарушая привычного течения жизни, но даже, когда все было хорошо и ровно, она оставалась, как тень, как мечта, как надежда. Он знал, что разорвать сложившийся союз будет нелегко, что сила инерции потянет назад и захочется вновь открыть заманчивую, волшебную дверь. Но это уже не будет обязанностью, он откроет ее по своему желанию или не откроет вовсе. Художник Александр Васильев оставил театр. Как ему казалось, навсегда...

Теперь, когда со времени его ухода прошло около десяти лет, он понял, что не ошибся. Он работает с упоением. Ушло все то, что отвлекало, пришло, чего не было в молодости, — мастерство и время, которое целиком отдается творчеству. «Я счастлив», — сказал Александр Павлович, когда мы встретились этой весной на его персональной выставке в Академии художеств СССР, — в этих залах — то, что я сделал, стремясь наверстать упущенное в театре время».

Эти его слова нельзя воспринимать буквально. Театральная судьба художника Васильева была удачна, в ней огибались целая эпоха советской сценографии. Он пришел в театр девятнадцатилетним юношей, а ушел на склоне лет. Созданные им спектакли живут на самых известных сценах страны, и надо думать, будут жить долго. Другое дело, что человек в процессе жизни лучше узнает себя и понимает, сколько возможностей в нем таилось. Однако мужества бросить все и начать сначала хватает не всякому. Готовность человека начать жизнь с нуля древние философы определяли как признак молодости души. Как только такая готовность пропадает — приходит старость.

Народный художник РСФСР Александр Павлович Васильев вступал в семидесятилетие, когда решил перейти на новую стезю «чистой живописи». Это ли не свидетельство того, что душа его по-прежнему молода? В его картинах нет интонаций заката, пессимизма, тяжелых раздумий о прожитом. Они оптимистичны, мечтательны, восторженны, порой лирично-грустны, полны любви ко всему живому и жившему. Что это? Феномен второго дыхания? Это радость человека, нашедшего себя.

— Рано или поздно театральный художник должен задать себе вопрос: а кто ты один на один, чего ты стоишь без сцены, режиссера, драматурга? Или ты только тень театра? Сможешь ли поставить проблему и сам разрешить ее, осмыслить окружающий мир и понять самого себя в этом мире... Это нелегко, а вдруг ты заглянешь в зеркало, а там — никого нет? — так объяснял художник одну из причин расставания со сценой. Что ж, своей выставкой Васильев доказал, что он может без театра.

Его кисть, доселе сдерживаемая, вырвалась на свободу, она с жадностью живописует все, встречаемое на пути. А чаще всего ей встречаются люди. Знакомые — это портреты художников и актеров. И неизвестные — чьи лица, случайно увиденные в метро или на улице, невольно западают в память. Как лицо пожилой женщины на «Портрете незнакомки». Это человек с судьбой, легко читаемой в чертах, с печатью времени. Васильев нарисовал ее по памяти, возможно, кое-что изменил, но — удивительно — женщина эта себя узнала, была благодарна. В портрете многое сказано о ней. И о художнике тоже.

Надо сказать, что этот портрет — исключение. Васильев почти не пишет пожилых людей. Его больше интересует расцвет жизни. На выставке было много

портретов красивых молодых людей. Но порой в этих работах художник иронизирует над собой, над своим стремлением создать идеальный образ. Красота многолика — он это знает. И женские портреты — скорее размышления о красоте, его грезы, попытка выражения эстетической позиции. Он с удовольствием одевает своих героинь в костюмы разных эпох, создает для них причудливые интерьеры. Фантазирует и приглашает нас чуточку оторваться от обыденности, помечтать. И делает это один, при помощи одного реального чуда, имя которому живопись.

Нет, Васильев не отказывается от сделанного в театре, но если оценивать по высшему счету, который он себе предъявляет, то из 150 постановок только десять он считает удачами... — Вам кажется, что художник — одна из главных фигур в театре? — переспрашивает он меня. — С огорчением скажу, что это не совсем так. Его искусство противоречиво и ограничено многими рамками. Основа противоречия в том, что художник театра работает над темами, приходящими к нему извне — от драматурга и режиссера. Конечно, он, как и актер, обязан вдохновиться новым материалом, зажаться, перевоплотиться. Но ведь можно и не зажаться! Нечасто происходит полное слияние материала с внутренним «я» художника, то счастливое совпадение интересов, которое и рождает драгоценные произведения искусства... Но даже если это слияние произошло, сколько преград стоит на пути — смета, размеры сценической площадки, время, необходимое для установок и разбора декораций, и т. д. Вы все время крутитесь около неких заданностей... Театр зыбок. Это сложный организм, многое в нем от тебя не зависит. Спектакли увядают, стареют, линяют. Часть декораций надоедает ставить. Порой я боялся заглянуть в зрительный зал,

потому что мое творчество находилось под дамокловым мечом случайностей. Слишком сложный организм всегда работает хуже простого. Лучше всего художник работает перед холстом.

Холст вмещает в себя бесконечность. Он загружен только традициями вашего мышления или штампами. Вот он стоит, совершенно чистый, а на нем уже мерцают образы, не вами созданные. Холст густо заселен душами великих мастеров. Очистить его от поселенцев, сделать его «свободным от постоя» — первейшая и труднейшая проблема художника. Я имею в виду, конечно, не освобождение от традиций. Традиции — это, образно говоря, одевание в холодном климате валенок, а в теплом — сандалий. Нельзя же сказать, что человек, носящий валенки зимой, несвободен. Традиции заложены в самом холсте, в его подготовке, в размерах.

Обращение к природе — тоже в традициях русских художников. И ее развитие в творчестве Васильева очевидно. Слово в противовес фантастическим картинам, его пейзажи и натюрморты удивительно ясны. Поэзия простоты — вот что привлекает в них. Скромный букет полевых цветов, лист лопуха с улиткой — сколько надо было прожить и поглядеть, сколько переболеть, чтобы научиться понимать их не навязчивую прелесть. Эти работы, на мой взгляд, своеобразная переключка с серии женских портретов. Образ подлинной красоты найден — в живой и одухотворенной природе...

Свою склонность к искусству Александр Павлович Васильев объясняет «семейным поветрием». Он родился в Самаре, в семье, где все чем-нибудь увлекались. В их роду были артисты, музыканты, художники. Старший брат Петр Павлович Васильев стал режиссером, вслед за ним по линии театра пошел и младший. Васильев прошел хо-

рошую школу, работая в драматических театрах Читы, Владивостока, Куйбышева, Ростова-на-Дону, Архангельска, Кирова. В годы войны был художником фронтовых театров ВТО. Созданная им сборно-разборная конструкция передвижных сцен служила хорошей службой в нелегких условиях войны. Четвертый фронтовой театр в покоренном Берлине играл «Коварство и любовь» Шиллера в декорациях Васильева. После войны он работал в московских театрах. Двадцать лет его жизни отдано Театру им. Моссовета. Встреча с Ю. А. Завадским, высококультурным человеком, прекрасным рисовальщиком, интеллигентнейшей личностью, оказала на него огромное влияние.

— В каждом театральном методе, в каждой школе понимание личности актера и режиссера различно, а уже о художнике и говорить нечего. Есть пренебрежительное отношение к декорации как к иллюстративно-бытовой среде. С этим я теперь согласиться не могу. В театре Завадского я научился постигать время через материальный арал, в котором обитали персонажи. Изучая характеры разных эпох, я понял, что быт — величайшее творение человечества. Города — это быт земли. Он отражает культуру на данном отрезке времени. Пренебрежение к быту исходит от недопонимания его исключительного общественного смысла. А ведь он настолько силен, что может заставить человека, превратить его в раба. Быт характеризует человека. Помните, как скуп был быт Ленина, и ведь это тоже определение его души. Хо Ши Мин имел миску, пишущую машинку и диночку... Вещи, кроме всего прочего, свидетели времени и следы человеческого труда, связанных с ним надежд. Они ветшают, исчезают. Уже нынешним людям непонятно многое из достижений прошлых веков... Меня печалит, что на на-

ших глазах исчезает русская деревянная архитектура. Искусственно сохранить то, что умирает, невозможно. Но искусству под силу воскрешать память об этом...

Наша беседа с народным художником РСФСР Александром Павловичем Васильевым возобновилась уже в его мастерской. Ничто в ней не напоминало о театре, о былой принадлежности ее хозяину к тому волнующему, сказочному миру. Стоял мольберт и чистые холсты — все картины отправились на выставку. Несколько книг на небольшом столе и набор кистей в керамической вазе. На окне произрастал лимон, посаженный в тот год, когда у художника родился сын. Теперь сыну двадцать с небольшим, он тоже пошел по «семейному поветрию» в театр и даже сделал первые в жизни костюмы к спектаклю «Волки и овцы» в Театре на Малой Бронной. Декорации к спектаклю создал Васильев-старший. Это было одно из немногих его возвращений в театр за эти годы. Возвращение согласно своему желанию и любви к А. Островскому. На выставку, кстати говоря, было три любопытных портрета — писателей, которых Васильеву приходилось ставить в театре, почитаемых им и вне театральных подмостков, — Достоевского, Толстого и Островского. Так вот, Островский изображен неожиданно молодым. Таким он предстал художнику из своих песен...

— Настоящий театр удваивает человеческую жизнь. Я видел Москвина в спектакле «На дне». Это подлинное ощущение, что вы прожили кусок жизни, а не провели два-три часа в театре... Я испытываю на себе груз лет. Старик несправедлив. Может, у меня притупилась острота впечатлительности. Но не могу ничего сравнить с постановками старого Художественного театра, в котором играли Тарасо-

ва, Андровская, Степанова, Хмелев, Яншин. Никогда не забуду «Три сестры» и «Анну Каренину» в декорациях Дмитриева. Эти спектакли меня потрясли на всю жизнь. Очень высоко ценю лучшие спектакли Завадского. К сожалению, о сегодняшнем театре я мало что могу сказать. В последнее время хожу туда редко. Мне кажется, что такие виды искусства, как балет, цирк, исполнительство, где есть технические сложности, без овладения которыми тебя просто не выпустят на публику, сегодня более устойчивые и прогрессирующие, нежели театр. Парадокс получается, не так ли? Там, где правила, обязанности, — там высокая поэзия, а где свобода самовыражения, — там развал. Театр меняется быстро. Гораздо быстрее, чем психика отдельной личности. Будто бы Немирович-Данченко говорил, что театральные идеи живут 25 лет, а потом умирают и заменяются новыми... Современное декорационное искусство очень интересное, своеобразное. Появились новые идеи, иной подход к личности художника. Мне нравится новый язык театра. Но это новое вытеснило мое сознание. Я в этом театре себя не вижу. Меня тяготит чрезмерность субъективного в современной сценографии. И думаю, что самовыражение — не цель искусства, а следствие его...

Васильев ушел из театра? Разве не явствует из всех его монологов, что в душе он по-прежнему живет и боится им? Это особенно остро чувствуется и в его живописи, которая похожа на чудный спектакль со множеством действий. В нем Васильев и режиссер, и сценарист, и исполнитель главных ролей. Покидая его, я подумала о том, что еще ни одному человеку не удалось уйти от своей юности, какие бы расстояния их не раздвинули...

Н. КОЛЕСНИКОВА.